Рыцарь Великого Турана

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии, доцент Университета МГИМО МИД РФ

Гази Бурханеддин. Современная графическая работа

Великие философы утверждают, что наука не рождается из мифа, но наука и не существует без мифа; наука всегда мифологична. Это не значит, что наука и мифология тождественны. Наука, опираясь на факты, выдвигает новые гипотезы, а мифы рождаются от фантазий, создавая сказочные версии. И то, и другое - факты различной степени реальности. Продолжая следовать этой философской формуле, можно смело сказать, что бытие и судьба каждого человека состоят из переплетений реалистичного и сказочного…

Ахмед Шамсаддин Мухаммед оглы Гази Бурханеддин относится к реально-легендарным личностям азербайджанской классической поэзии. Он родился в 1344 году в Малой Азии, в провинции Кайсери. Ахмед Бурханеддин **происходил из именитого рода: отец и дед носили сан «*гази*» – кадий, т.е. шариатский судья**; мать была дочерью одного из властителей того времени Джалаладдина Махмуд оглы Абдуллы Челеби.

Слово «бурханеддин» по-арабски означает «доказательство веры». Ахмед рано потерял мать и рос под опекой отца. Шамсаддин Мухаммед был просвещённым человеком, мечтал видеть сына учёным. Ахмед за короткое время овладел арабским и персидским языками, постиг основы **логики, теории поэзии, астрономии, философии** и ряд других дисциплин. Когда Ахмеду еще не исполнилось и четырнадцати лет, отец взял его с собой в странствие. Некоторое время они прожили в Египте, где юный Бурханеддин изучил **мусульманское право, каноны шариата, приобщился к медицине**, а затем в Дамаске он постиг основы **естествознания и математики**. Позднее они переехали с отцом в иранский город Хиджаз, где Ахмед потерял отца – это случилось в 1363 году.

В двадцатилетнем возрасте Бурханеддин возвратился в Кайсери, и местный правитель Гиясаддин Мухаммед **назначил его на должность кадия, которую до этого много лет занимал его отец**. Очень скоро молодой кадий снискал всеобщее уважение. В 1365 Гиясаддин Мухаммед был убит, трон занял его сын – Аладдин Али бек, и Бурханеддин стал его визирем. В 1380 году ушёл из жизни и Али бек, а его сын Мухаммед Челеби

был еще ребёнком, и регентство возлагалось на визиря. Так **в 1381 году бразды правления полностью перешли в руки Гази Бурханеддина. Источники сообщают о высоком авторитете, которым он пользовался в народе**. Под руководством Гази Бурханеддина осуществлялись работы по благоустройству городов, возводились мосты. Он проявил себя мудрым и справедливым правителем, достойным духовным лидером и отважным военачальником, а поэтический талант и эрудиция учёного снискали ему немалую славу. Значительную часть своего восемнадцатилетнего правления он провёл в военных походах.

Все эти бурные годы Гази Бурханеддин умудрялся **держать в одной руке меч, а в другой перо**, являя достойный образец истинного рыцаря великого Турана. Защищая мечом Родину, пером он возносил свой народ и духовно обогащал его. Он написал ряд стихов также на арабском и персидском языках, но **до нас дошёл лишь его «Диван» на тюркском языке, включающий 1500 газелей, 20 рубаи, 119 туюгов, несколько муфредов; всего 17000 строк**. «Диван», хранящийся в Британском музее под номером 4126, был переписан в 1393 году, т.е. ещё при жизни автора, и состоит из 608 страниц. Из-под пера Гази Бурханеддина вышли и **научные трактаты на арабском языке** – «Преимущество разъяснения», «Эликсир счастья и тайны радения».

Гази Ахмед Бурханеддин - первый азербайджанский поэт, писавший на тюркском языке, творческое наследие которого дошло до нас почти в полном объёме. Его проникновенные песни на родном языке находили отклик в сердцах не только соотечественников, но и просвещённой прослойки всех тюркоязычных народов. Язык его поэзии был понятен обитателям обширного региона от Центральной до Малой Азии. Газели Гази Бурханеддина в отличие от традиционной формы не содержат в последнем двустишии – бейте псевдоним поэта. Большинство газелей посвящены теме любви, которая служит лейтмотивом его поэзии, хотя в лирике Гази Бурханеддина встречаются стихи и социально-этического содержания.

В XIII-XIV веках **идеи суфизма** нашли широкое распространение на всём Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в Азербайджане. Естественно, что и поэзия Бурханеддина не обошла эти мотивы; **среди его газелей немало образцов с двойственным – земным и сакральным смыслом**. При внешнем реалистическом антураже явно проступает суфийско-мистический подтекст, сквозящий в традиционной символике. **В основном же стихи Гази Бурханеддина посвящены реально-жизненной, земной любви**. В этом отношении непревзойдённым продолжателем его поэтической традиции выступает великий певец любви Мухаммед Физули (1494-1556). Неоспоримо поэтическое влияние Гази Бурханеддина на творчество гениального азербайджанского поэта Имадеддина Насими (1369-1417) и великого узбекского поэта Алишера Навои (1441-1501). Великие поэты Азербайджана – Хатаи (1487-1524), Говси (1680-1745), Вагиф (1717-1797) и известные узбекские поэты Лютфи (1366-1465), Бабур (1483-1530) и Амири (1787-1822) также стали достойными продолжателями поэтической традиции Гази Бурханеддина.

Гази Бурханеддин. Современная живописная работа

Поэтический язык Бурханеддина отличается богатством, самобытным ритмом, гармонией и высокой образностью. **Поэт старался избегать**

арабо-персидских лексических элементов, предпочитая красочную палитру тюркского языка. В его стихах, помимо азербайджанско-тюркской лексики, часто используются обороты и изречения джыгатайско-узбекского и анатолийско-турецкого языков. Этим и объясняется популярность и слава его стихов ещё при жизни во всём тюркском мире. Поэт глубоко был искушён в секретах восточной поэзии. Точные метафоры и иносказания придают его стихам особую утончённость. Чуть ли не в каждом бейте, каждой строке можно встретить яркие эпитеты, ироничные аллегории и меткие гиперболы. В этом художественном арсенале наибольшее значение имеют оригинальные поэтические средства, несущие на себе отпечаток индивидуальности и вкуса автора.

В «Диване» всего двадцать *рубаи*, и все они неподражаемы по изяществу. Привлекают внимание и стихи, написанные в форме *туюгов* – миниатюры–четверостишия. Как известно, четверостишие издревле было одной из стихотворных форм у тюркских народов. Примеры четверостиший - древние баяты, плачи, трудовые песни. **Гази Бурханеддин создал первые во всей тюркской поэзии совершенные образцы туюгов в ритмике аруз**. В его туюгах звучат в основном социальные и морально-этические мотивы, раскрываются этические и нравственные ценности, славятся дружба, доброта, воинская доблесть. Одновременно поэт с яростью клеймит зло, жестоких правителей, грабительские войны. Многие туюги тесно связаны с биографией самого поэта. В них явственно ощущается напряжённая атмосфера эпохи, затрагиваются также государственная деятельность автора, сражения, в которых он участвовал. В одном из этих сражений в 1398 году перестало биться его сердце, исполненное ненависти к врагу, вдохновенной любви к жизни и красоте, к Родине.

Гази Ахмед Бурханеддин посетил основные святыни ислама и был сведущ в мусульманском богословии, но **как религиозный деятель он был далёк от слепого следования догмам; как истинный служитель веры он избрал своим девизом правду и праведность**: «*О вере спросишь: правдивость и праведность она. Спроси о ней у слуг ислама, европейца и индуса или русского*».

В истории азербайджанской классической поэзии Гази Бурханеддин остался как художник оригинальной творческой манеры; **его лирика оказала благотворное влияние на позднейшую поэзию на родном языке** и была одним из существенных факторов, ориентирующих её дальнейшее развитие. Творчество великого поэта стало образцом и для мастеров слова многих других тюркских народов; целая плеяда средневековых турецких, узбекских, туркменских поэтов, создавая свои шедевры, черпала из сокровищницы его поэзии.

Литература

1. V.M.Kocatürk. Türk edebyatı tarihi. Ankara, 1964, 856 s.
2. Ərəb və fars sözləri lügəti. Redaksiya heyəti: B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani, məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, 1967, 1036 s.
3. Qazi Bürhanəddin. Divan. Bakı, 1988, 378 s.
4. А.Ф.Лосев. Философия. Мифология. Культура. Москва, 1991, 525 с.
5. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, 2005, 453 с.
6. С неба упало три яблока… Сказки. Народные сокровища Азербайджана (автор предисловия, составитель и редактор А.М.Багиров). Москва, 2006, 208 с.
7. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, altı cilddə. Cild III. Bakı, 2009, 736 s.
8. Божественные слова. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья академика НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр. НАНА Т.А.Керимли, составление, биографические справки и комментарии А.М.Багирова). Москва, «Художественная литература», 2010, 726 с.

The article provides brief information about the biography and the activities of prominent Azerbaijani medieval lyrical poet and statesman Gazi Burkhaneddin, a remarkable representative of Azerbaijan's Turkic poetry. It is noted that the successor of the poetic traditions of Gazi Burkhaneddin was great Fizuli. His works have greatly influenced such poets of the East as Nasimi, Navoi, Khatai, Govsi, Babur, Amiri, etc.

ТВОЯ МИЛОСТЬ

Бутон не смею я сравнить с улыбкой розовой твоей.
Так страстно я молю тебя, что умолкает соловей.

Все проявленья бытия – лишь милость зримая твоя,
Волна распущенных волос длинней отпущенных мне дней.

Уста – целительный бальзам, я сладость их изведал сам,
Я снова жажду к ним припасть, они всех сладостей ценней.

Отвергнет тот шербет и мёд, кто уст медвяность познаёт,
Рубины этих робких губ во много раз вина пьяней.

Кто станет локонов рабом, прельщённый нежным завитком,
Не сбросит до скончанья лет своих невольничьих цепей.

Нет слов таких, чтоб описать стон и божественную страсть,
Твой образ, трепетно живой, воображения сильней.

И если б сотни лет подряд я видел этот звёздный взгляд,
То всё иное б позабыл, ведь ты дороже жизни всей.

НАЗОВЁМ

Ресницы тонкие её стрелой разящей назовём.
Когда они вонзятся в грудь, мы «ах!» – промолвим и вздохнём.

От поцелуя сладко мне, как будто я вкушаю мёд,
И неустанно говорить об этом следует одном.
Распустит дивная моя дурманных локонов каскад. –
Алоэ бросим мы в огонь и аромат его вдохнём.
Она упорствует во всём, строптивой надо подражать:
«Целуй!» – потребует она, мы «нет!» – в ответ произнесём.

Тот настоящий человек, кто светлым чувством опьянён,
Всех не изведавших любви, мы истуканами зовём.
Люблю тебя, люблю тебя, покуда длятся дни мои, –
Слова любви произношу на языке своём родном.

И в туюгеи рубаи я воспеваю красоту,
Газель моя озарена любви немеркнущим огнём.

ПРОСЬБА

Встречая солнце, средь ветвей запела утренняя птица,

Друг кравчий, мне вина налей – желаю жизнью насладиться!

Пусть недозволенному быть: я разрешу ей кровь пролить, –
Но на свиданье не идёт моя жестокая царица.

Все влюблены в неё вокруг, – влюблённых мучает недуг,
Стократно славлю я того, кто смог от чувства исцелиться.

Сердечный жар и слёз вода объединились навсегда, –
И ночь, и день в её душе в одно смогли соединиться.

Уста к моим губам прижми, последний смертный вздох прими,
В молчанье ты постигнешь боль, что в глубине души таится.

Зови меня своим рабом, погибну в звании любом,
Но только разреши рабу с тобой на миг уединиться.
Я о единственном скажу: тебе я преданно служу, –
Раб уверяет госпожу, – своей он участью гордится.

Ты сокрушила сердце мне, и слёзы льются в тишине,
Коль разбивается сосуд, то влаге суждено пролиться.
Румяных уст коснулся лал и огнецветно запылал,
А жемчуг зубы увидал и стал мерцанью их дивиться.

Твои глаза и рай, и ад – они мне Судным днём грозят,
Увидя твой прекрасный стан, – умерший к жизни возвратится.

Твой лик так солнечно цветёт, как будто утро настаёт,
Столь эти локоны черны – в них ночь беззвёздная таится.

Нанёс мне твой жестокий взгляд сто ран, они кровоточат,
Бальзамом слёз врачую боль, что нанесли твои ресницы.

Я ВО ВЛАСТИ ТВОЕЙ

Ветер утра, вернись и любимой привет передай,
Кровью сердца полнее мне чашу любви наполняй.

Лик укрой волосами – спрячь день, чтобы мрак наступил.
Убери свои кудри, скрой сумрак, вновь день возвещай!

Тем, кто жаждет, шахиня, дозволь прикоснуться к устам,
Я во власти твоей, равнодушно раба убивай.

Мускус чёрных волос кровь и смертную плоть иссушил,
Это бренное тело, как стебель алоэ сжигай.
Приказал я себе: за любимую душу отдай!
И, себя умертвив, отреченьем свой дух прославляй.

С ТЕХ ПОР

С тех пор, как о твоих глазах молву я услыхал,
Я пьяным поутру вставал и пьяным засыпал.

В горючий высохший тростник я тело превратил
С тех пор, как твой увидел рот, пылавший словно лал.

С тех пор, как жемчуг слёз моих ты превратила в кровь,
Подобно меркнувшей луне лицом я бледен стал.

Стремясь в мечтаниях прильнуть к рубиновым устам,
Себя я с ног до головы кинжалом искромсал.

С тех пор, как пребываю я в тенетах кос тугих,
Я тот, кто страждущих согрел и амброй одарял.

ИМЯ – ТАЙНА

Взор к тебе одной прикован, жизни нашей госпожа.
«Кто ты, бедствие иль счастье?» – вопрошаю не дыша.

Столь воздушен стан твой тонкий, что рукой не ощутим,
Или это плащ волшебный по плечам скользнул, шурша?

Шёлк волос волной дурманной ниспадает до ступней,
В тех кудрях душа томится, вечным пленом дорожа.

Наши жизни вдохновила богоравная моя,
Цель возвышенных стремлений, – мы живём, тебе служа.

Ты в ночи ко мне явилась, ослепляя красотой.
Та, которая приснилась, сокровенная душа.

КАК СВЕЧА

При виде лика твоего я таю, как свеча.
Не воск, а слёзы глаз моих роняя, как свеча.

Мой дух кудрями завлечён, в неверье вовлечён,
Свеченьем веры увлечён мерцаю, как свеча.

Бледнел я, плакал и сгорал, свой дух испепелял,
Недуг душевный исцелял, сгорая, как свеча.

Страсть мотылёк свою явил – он крылья опалил,
А я огню всю жизнь свою вверяю, как свеча.
Кумир, коль в этом есть обман – вели издать фирман,
Главу пред грозным палачом склоняю, как свеча.

Войди, возлюбленная, в дом, охваченный огнём, –
Я стоя жду тебя в слезах, пылая, как свеча.

Сжигаем внутренним огнём, я счастье вижу в нём,
И утоления в ином не знаю, как свеча.

Тюрбе над захоронением Гази Бурханеддина.
Сивас (Турция). Современное состояние.

Припомню твой сладчайший рот, речей блаженный мёд –
Зубцами сердце боль грызёт, пытая, как свеча!

Дыханья чистый ветерок костру гореть помог,
Не думай, что в печали я истаял, как свеча!

Стремлюсь к огню твоих кудрей всей сущностью своей,
Жжёт каждый локон – язычок, сверкая, как свеча.

Костёр разлуки всё спалит, оплавился гранит
И даже камень воском стал, стекая, как свеча.

Пусть свет наполнит до конца влюблённые сердца,
Пребудет в них всегда любовь, сияя, как свеча.

НЕТ ПОДОБНОЙ

Не найти тебе подобной в райских кущах золотых,
Я в единственной не вижу недостатков никаких.

Солнце радует сияньем этот множественный мир,
Но душа моя светлеет, видя мрак волос твоих.

Не в одну тебя влюблён я, а в великую Любовь,
Это чувство почитаю я превыше чувств земных.

Мускус родинок волшебных иссушает в жилах кровь,
Фимиам восходит к небу – скорбный след страстей моих.

Коль домчит рассветный ветер аромат её кудрей, –
Даже мёртвые воспрянут, чтобы жить среди живых.
Перевод Татьяны Стрешневой

ТУЮГИ

Я постиг, что в этом мире смысла нет, и цели нет.
Кроме милой нет аята, веры в самом деле нет.
Лишь надежда – предводитель в мире этом и ином,
А другого руковода на земном пределе нет.

***

Столь изящной и прелестной на веку не видел я.
Жизнь отдать не жаль за чары эти, честно говоря.
Если милости сподобишь хоть на капельку меня,
То из капли забушуют разливанные моря.

***

Твои очи – исцеленье всех недужных. Хороша!
Ради них пускай закланьем будут тело и душа.
Не влюбиться невозможно, полюбить тебя – беда.
Всё подвластно твоей воле, править всеми, ворожа.

***

Взор ласкать, как оказалось, она может телесами.
Душу может погубить завитыми волосами.
Я хотел открыть ей сердце, исповедаться хотел,
Заглянув в глаза, увидел, что больна она глазами.

***

Предначертанной дорогой дней влачится караван,
Око видит, пока зряче, и не застит их туман.
Все мы ходим под Всевышним в этом мире и ином,
Кто бы ни был – Тохтамыш ли, или грозный Тамерлан.

РУБАИ

Я – ей: о, губы! Мне: как речи любы…
Я – ей: о, стан твой! О, перлины – зубы…
Я жизнь отдам за прядь волос твоих…
Она: бедняк, цена не про твои прикупы…

***

Почему, – она спросила, – налиты слезами очи?
Почему ты смотришь тучей, что гнетёт тебя, короче?
Потому, – я отвечаю, – что, не видя губ твоих,
То и дело их воочью вижу, грезя дни и ночи.

***

У ашуга в сердце смута, навсегда забыт покой,
У скитальца на чужбине взор туманится тоской.
У отшельника желанье – келья, бденье и алтарь,
Чаянье мужей отважных – поле брани роковой.

Перевод Сиявуша Мамедзаде